

Юрий ПОКЛАД

г. Мытищи

АГАТЫ

Рассказ

Вертолётная площадка немного в стороне от Посёлка, ближе к небольшому низкорослому лесу. Сам Посёлок построен возле реки для того, чтобы принимать весной, по навигации, баржи с оборудованием и дизельным топливом. Вертолёты имели большое значение для жителей Посёлка, никаким другим транспортом до Большой земли летом нельзя добраться, да и зимой нужно долго ехать по зимнику до ближайшей станции железной дороги.

На вертолётке распоряжался диспетчер Коля Лозинский — худощавый мужичок лет сорока, с седоватой бородой, седыми усами, и

ресницы тоже были тронуты сединой. Диспетчер — должность вроде бы небольшая, но Коле она нравилась, наверное, потому, что от диспетчера многое зависело, когда требовалось отправить пассажиров. Например, вертолёт Ми-2 имеет небольшую грузоподъёмность и, когда в него садятся шесть человек с рюкзаками, взлететь порой не в состоянии. В этом случае Коля открывает дверцу вертолёта, обводит пассажиров безжалостными «седыми» глазами, показывает пальцем на жертву и коротко приказывает:

— На выход!

Жертву выбирает по своим одному ему по-

нятным признакам, уговаривать бесполезно, в своём решении он непоколебим.

Я работал в Посёлке, в ремонтном цехе, на буровые не летал, поэтому Лозинский с его вертолётами меня не особенно интересовал, мы с ним едва здоровались. Поводом для близкого знакомства послужила, как это ни странно, художественная литература. Книги работники геологоразведочной экспедиции глубокого бурения, которая базировалась в Посёлке, почти не читали, в небольшой библиотеке скучала ненка Галя, рассеянно вязавшая носки своим детям. Я приходил вечером и подолгу перебирал книги на полках, изредка перекидываясь с Галей несколькими словами. Тем не менее Галин муж, Вася, однажды взревновал по поводу моего частого посещения библиотеки — то, что я люблю читать книги, не приходило ему в голову.

Однажды мне попался томик Короленко, в нём — рассказ под названием «Без языка», главный герой — Матвей Лозинский, все жители села Лозищи на Волыни, которое описывал Короленко, носили такую фамилию. Это показалось мне забавным, и я решил поделиться информацией с Колей — может быть, он родом из тех мест.

Для того чтобы пассажиры могли ожидать прибытия вертолёта, неподалёку от вертолётной площадки был установлен вагончик-балок. В одной его половине были скамейки для ожидающих посадки, в другой — кабинет диспетчера: стол — старый, исцарапанный, со следами от горячих стаканов и кружек; кресло — кожаное, но тоже порядком потрёпанное; обои — замасленные, давно потерявшие цвет. Жарко грел электрический нагреватель.

Коля строго смотрел «седыми» глазами на посетителей, ощущая свою власть над ними, на вопросы отвечал не грубо, но строго. Точно так посмотрел он и на меня, когда я вошёл: ожидал, что я буду просить у него куда-то полететь. Он многим отказывал: вертолётов становилось всё меньше из-за высокой стоимости их аренды, дорожало и топливо.

Я пришёл, когда уже начало темнеть, лётный день заканчивался, — рассчитывал, что

Коля будет свободен. Но Лозинский долго разговаривал по телефону, мои ноги в унтах прели, в полушибке было жарко, я его расстегнул.

Закончив разговор, Коля не слишком любезно спросил:

— Чего?

И я рассказал о селе Лозищи, о людях по фамилии Лозинские, живших в нём, и о писателе Короленко.

«Седые» Колины глаза вспыхнули интересом. За его спиной, немного правее, была плотно закрытая дверь, мне казалось, что там какой-то склад. Коля открыл дверь ключом, распахнул её и пригласил меня войти.

В небольшой комнатке тускло светила жёлтая лампочка, на столе стояла початая бутылка водки, на деревянной разделочной доске распластана порезанная длинными лентами сёмга, столовский кирпич белого хлеба на тарелке грубо изорван крупными ломтями. Коля молча налил в гранёные стаканы водки, жестом предложил мне. Выпив и закусив, проговорил сквозь частое дыхание:

— Я вообще-то не с Волыни, я из Ходорова... Из-подо Львова. Но это неважно.

Я стал приходить к Лозинскому на вертолётку. Мы пили водку, Коля рассказал о том, что он женился ещё до армии, когда его девушка Маричка забеременела. Сын, которого тоже назвали Колей, родился, когда Лозинский уже проходил службу. В армии ему нравилось, там был порядок, вначале показалось тяжело, но потом Лозинского выдвинули в капитёры, он стал ведать хозяйством подразделения, а это давало большие преимущества. На поясе у него висели ключи общим весом примерно в полкилограмма, они были на специальной цепочке. Коля поправился, отрастил живот, стал выглядеть очень солидно.

Служил он в городе Архангельске, ходил в увольнения и познакомился с девушкой Верой. Домой после окончания службы не поехал, написав Маричке, что остался на «сверхсрочную». На самом же деле жил в Архангельске с Верой, собирался на ней же-

ниться, но так и не женился... У него стали появляться другие женщины, и Вере это не нравилось. Возвращаться в Ходоров ему не хотелось, там пришлось бы жить с Маричкой, а тут была свобода. Хорошо устраиваться в жизни он уже научился.

Рассказ Короленко очень заинтересовал Лозинского. Я принёс ему книгу, и Коля её прочитал, хотя читать не любил. Совпадение фамилий и приключения героев повести, которые из посёлка Лозищи на Волыни оказались в Нью-Йорке, его увлекли; может быть, он ощутил родство своей судьбы с судьбой Матвея Лозинского. Наша дружба окрепла, Коля становился со мной всё более откровенен.

Вполне возможно, что книга Короленко пробудила в Лозинском желание увидеть Маричку и сына. Коля стал задумчив. Выпив водки, вспоминал древний город Ходоров, его улицы, он рассказывал мне о своём детстве. Его стало мучить то, что он бросил двадцать лет назад жену с ребёнком.

В углу каморки, где мы пили водку, стоял массивный сейф. Таким сейфам место в бухгалтерии, но хозяйственный Коля откуда-то его притащил. Зачем ему сейф, сказать было сложно, хранил он там только водку и какие-то бумаги, по-видимому, отчёты по работе вертолётов. Но однажды он открыл сейф, достал оттуда три небольших камешка и положил их на стол рядом с нарезанной малосольной сёмгой. Камешки были невзрачными, тёмно-серого цвета, с шероховатой пупырчатой поверхностью. Было ясно, что они имеют для Коли какую-то особенную ценность.

Я поинтересовался, что это за камни, и Коля, таинственно прищутив «седые» глаза, ответил: «Это агаты».

Я не знал, что такое агаты и почему Коля придаёт им такое значение, и попросил объяснить. Оказалось, что агаты — это полудрагоценные камни, Коле передаёт их с оказией один хороший знакомый, которому известно месторождение этих камней на реке Индиге.

Было трудно понять, почему Лозинского интересуют агаты и что он собирается делать

с этими невзрачными камешками. Коля объяснил: «Хочу поехать к Маричке и сыну. С пустыми руками являться неудобно, привезу им агаты, какую-то часть продам».

Я выразил сомнение, что его бывшая семья будет рада такому странному подарку, и посоветовал Коле привезти побольше денег — так будет лучше и понятнее.

— Ты просто не знаешь, что это за камни, — возразил Лозинский, — их надо отполировать. Есть у тебя в цеху точильный станок?

Станка было даже два, на них токари затачивали резцы. Коля доверил мне три камня, предупредив, чтобы я их не потерял и вообще никому не показывал.

Колину просьбу сточить камни наполовину, чтобы появился рисунок, я воспринял безо всякого энтузиазма. Когда ты кому-то что-то обязан, дружба становится в тягость; у меня, начальника цеха, было достаточно проблем по работе и не очень много свободного времени.

Обработку камней я спланировал после окончания рабочего дня, чтобы было меньше лишних глаз, не хотелось лишних вопросов.

Ремонтный цех — длинный двухпролётный ангар. Мостовой кран, металлорежущие станки, слесарные верстаки с тисками... Заточные станки были огорожены панцирной сеткой, раньше на них когда-то имелись защитные экраны, но токари их сняли, потому что было плохо видно резцы.

Я зажёг свет, включил станок, взял в тряпку агат и стал обрабатывать его на боковой поверхности наждачного круга, предназначенного для заправки токарных резцов с победитовой напайкой.

Коля предупредил, что камни имеют высокую твёрдость. Дело шло туго, агат быстро нагревался, приходилось остужать его в жестяной банке с холодной водой. Это занятие мне быстро надоело, да и рука устала.

Подошёл пожилой токарь Василий Александрович, у которого была срочная вечерняя работа. Постояв за спиной, сказал, что на боковой поверхности обрабатывать камень опасно: он может вырваться из пальцев и при отсутствии защитного экрана угодить прямо в

лоб, да и сам наждачный круг, если долгое время работать на боковой поверхности, может разлететься, — это будет вообще беда.

Замечание Василия Александровича окончательно погасило во мне желание обрабатывать агат.

Колю мой отказ сильно огорчил: ему очень хотелось показать Маричке и сыну, как красив агат. Я считал, что это сильное преувеличение, хотя обработанных агатов никогда не видел. Но Коля умел быть убедительным и уговорил меня всё же обработать хотя бы один камень.

Укоряя себя за слабохарактерность, я вновь остался допоздна в цехе. Выключив верхнее освещение, оставил только лампу над заточным станком. Работал без энтузиазма, сначала осматривал полученную в результате обработки поверхность агата, но потом перестал, потеряв к результату своего труда интерес. Решил взглянуть, лишь когда увидел, что агат сточен на значительную величину.

Я окунул камень в воду, протёр его поверхность сухой тряпкой, посмотрел на свет и обомлел: передо мной был волшебной красоты срез в виде голубого продолговатого глаза, его обрамляли — чем дальше, тем большего диаметра — концентрические кольца то белого, то светло-голубого цвета. Камень словно светился изнутри, от него невозможно было оторвать взгляд. Несколько минут я стоял, зачарованный этой красотой, странно было поверить, что она крылась в невзрачном камушке с реки Индиги.

Я немедленно достал из кармана второй камень и до поздней ночи исступлённо точил его до тех пор, пока моим глазам не открылся ещё более поразительный вид.

На следующий день, едва Гая открыла библиотеку, я разыскал в энциклопедии описание агата: «Минерал со слоистой текстурой и полосчатым распределением окраски. Камень известен целительными и эзотерическими свойствами. Древние мудрецы верили, что агат помогает преодолеть любые земные беды и напасти, открывает способность принимать смелые решения, помогает обрести гармонию и жизненную силу, делает мужчину

привлекательным в глазах женщин. Самоцвет голубого цвета с рисунком глаза называют «Оком Бога», он приносит обладателю любовь и нежность».

Коля сказал, что обо всём этом знает: ему рассказал его товарищ, который находит агаты на Индиге. Ещё товарищ сказал о том, что слишком долго в агат смотреть опасно, — можно сойти с ума, но Коля, как и я, не мог оторвать глаз от него.

С той поры Лозинский переменился, даже водку пить стал реже. Я понял, что он всерьёз готовится вернуться к Маричке и сыну. Я отполировал для него ещё несколько агатов — один лучше другого. Коля сказал, что больше не требуется. И так всё ясно, он отвезёт агаты в Ходоров. Целый мешок. Продаст их кому-нибудь ювелиру, они с Маричкой разбогатеют и будут жить счастливо.

Три агата я обработал особенно тщательно и оставил себе. Коле это не понравилось, он прорвorchал, что «драгоценные камни, как и деньги, счёт любят», но я не обратил на это внимания, считая справедливой платой за работу.

Дальнейшая полировка агатов в любом случае представлялась проблемной: наждачный круг износился, на боковой его поверхности появилась глубокая выработка, токари боялись затачивать на нём резцы. Я заказал новый наждачный круг, но снабженцы его всё не везли.

С отъездом на родину Лозинский не торопился. По-видимому, его товарищ с Индиги передавал агаты небольшими партиями, а Коле хотелось накопить их достаточно много.

В связи с распадом страны для геологоразведки времена настали тяжёлые: финансирование сократили, зарплату стали выплачивать нерегулярно. Я получил предложение поработать в Западной Сибири, в нефтянке, и решил уволиться. Колиного отъезда в Ходоров так и не дождался.

Прошло несколько лет. Я встретил в аэропорту старого знакомого, когда-то работавшего со мной в геологоразведке и жившего в Посёлке, и он рассказал, что Николай всё-таки уехал в Ходоров, взяв отпуск за два года.

Время шло, но он не возвращался, отдел кадров послал запрос, и выяснилось, что Лозинского нет в живых, его зарубил топором сын.

Меня не слишком удивило это известие. Лозинскому казалось, что Маричка осталась прежней тоненькой черноглазой девушкой, а сын едва начал ходить. Но Колина жена привела лучшие годы в ожидании мужа, а сын вопрос характером в отца: чувствовал себя хозяином. Когда отец, появившись, вознамерился восстановить семью и стать её главой, оказа-

лось, что двух «диспетчеров» быть не может: командует кто-то один. Возник непреодолимый конфликт, который закончился тем, что сын приказал отцу: «На выход». Но отец не послушался, и никакие агаты помочь тут не смогли.

Есть люди, в характере которых присутствует роковая трагическая черта, она и определяет их судьбу.

Те три агата хранятся у меня до сих пор. Иногда я любуюсь их волшебной красотой, но не слишком долго, помня предостережение.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА СТАНЦИИ МЕТРО

рассказ

На этой станции — таинственно-гулькие, притемнённые вверху своды, белый, с черноватыми разводами, холодный мрамор стен. Даже воздух и тот тревожен. Поезда вылетают из мрака тоннеля с нарастающим шальными свистом. От их стремительности замирает сердце.

На этой станции погиб человек. Его сбило поездом.

Он лежал на краю платформы. Чёрная материя накинута на лицо и на грудь. Тонкие ноги выглядывают из неряшливо задравшихся брючин. Стоптанные набок полуботинки с потёрыми подошвами.

Два молодых милиционера маются возле трупа. Охраняют. Им страшновато и тягостно.

Выйдя из вагонов, люди спешат в «Детский мир», в Политехнический музей, в «Библиоглобус». Они стараются обойти стороной эту скорбную компанию, не заметить её. И я поймал себя на мысли, что тоже не хочу её замечать: отвожу взгляд, ускоряю шаг.

Я направился к эскалатору, как вдруг до странности знакомое чувство, — скорее отблеск, едва заметная тень его, — заставило остановиться.

1

Человек возник из кромешной пурги, из пелены, летящей с бешеною скоростью ледяной крупы. Я стоял, привалившись спиной к радиатору мерно рокочущего дизеля, чуть сомлев от его тепла, пробиравшегося сквозь теплоизоляцию. Я думал как раз о том, что, если дизель электростанции заглохнет и его не удастся оживить, пурга будет точно так же мерно и равнодушно выть, выдувая тепло из остывающих балков, заметая их снегом, и вряд ли кто-то придет к нам на помощь, потому что до ближайшего поселка больше ста километров.

Серьезные работы на буровой были приостановлены. Шла промывка скважины. Вахта большую часть рабочего времени отлеживалась в балках, и только нам, дизелистам, приходилось обслуживать электростанцию.

Ветер выл безнадежно и жутко, надувал парусом дырявый брезент насосной.

Распахнулась дверь, на которой вместо петель были прибиты куски старых текстропных ремней, и в дизельную ввалилось что-то заснеженно-залиденное, замотанное по самые глаза клетчатым шарфом. Не в силах что-то сказать, человек делал знаки руками.

В тундру на зимник категорически запрещено выезжать одной машиной. Никакой дурак в одиночку и не рискует. И уж тем более нельзя ехать, если начинается пурга. Этому человеку и его напарнику законы были не писаны. Не доезжая километров двадцати до нашей буро-вой, их КамАЗ, гружёный бревнами, сполз с зимника, едва различимого по вешкам, и глубоко зарылся колёсами.

Друзья долго гребли лопатами снег, ничего не добились, только обессилели. Залезли в кабину, выпили водки, согрелись, заснули. Проснувшись, снова принялись откапывать машину. Так прошли ночь, день и еще одна ночь. Наутро топливо закончилось, двигатель заглох. Потом кончилась водка. Друзья стали замерзать. Чтобы спастись, оставался один выход: разыскать буровую.

Напарник сказал, что всё равно не дойдет. Остался в кабине умирать и умер. Мы потом притащили машину бульдозером. Водитель побрел наугад, и ему повезло. Но до буро-вой он шёл чересчур долго.

Его звали Виктором. Он был не жилец, но умирать не собирался. Мечась в полубреду и находя паузы между приступами глухого, перехватывающего дыхание кашля, просил сообщить жене, что у него всё в порядке, скоро поправится, и у них хватит денег для того, чтобы купить приличную машину и квартиру.

Буровой мастер Кунашевич несколько раз связывался по радио с Городом. Просил прислать санитарный вертолет. Но вертолёты в такую погоду не летают. Виктор прожил четыре дня и в ночь умер.

Мы привели в порядок старый нежилой балок, выбросили оттуда поломанную мебель и полусгнившее барахло, подмели. Виктора расположили на старой кровати, на матрасе, накрыли до подбородка простыней — так, словно уложили ненадолго передохнуть. Через окно на его лицо падал свет от буровой вышки.

Тропинка, ведущая к буровой, была протоптана мимо этого балка. Идя на вахту, я не мог не взглянуть в окно. Однажды мне показалось сквозь полумрак, что Виктор пошевелился,

попытался поднять голову. Я сообщил о своём наблюдении Кунашевичу. Тот ничуть не удивился: он вообще ничему не удивлялся: «Ну, пойди, чаю ему, что ли, отнеси».

Мне тогда было двадцать два года. Я не верил в то, что люди умирают. Я взял фонарик, с которым проверял уровень топлива в емкостях, и пошёл в балок. С трудом протиснулся в дверь, заметенную снегом, долго стоял в нерешительности в маленьком тамбуре. Было страшно.

Простыня вспыхнула ослепительно бело под ярким лучом фонаря. Виктор спал спокойно. Он почти не изменился, только глубже запали в глазницы обведенные синевой глаза да поросшие редкой черной щетиной щеки подернулись изморозью.

Этой ночью пурга улеглась. Утром белое пространство тундры поразило тишиной и умиротворением. Когда прилетел вертолет, возникла лёгкая дискуссия: отправлять Виктора на матрасе, накрытого простыней, или просто положить на пол вертолета? Остановились на первом варианте. Кунашевич остался недоволен: ему предстояло списывать в бухгалтерии матрас и простыню и объяснять причину списания.

2

— ... **У** «Спартака», пожалуй, есть шансы, а «Локомотив» опять продул.

Рыхлое, ребристое лицо, бакенбарды, седоватые усы, лоб в три глубоких морщины, налитые, выпуклые глаза. Он старше на два года, а мне кажется — лет на десять. Каждый день после работы терплю я это футбольное обозрение за кружкой пива, и не только пива. Приходится терпеть, поскольку этот человек с некоторых пор мой начальник. Ясно, что он законченный алкоголик, но я считал, что это меня не касается.

Быть может, напрасно я ему тогда позвонил? Полгода болтался без работы после Севера, деньги были на исходе, жена уже не ругалась, только тяжело вздыхала. Обрадовался, когда

узнал номер его телефона: вместе учились в институте, считались когда-то друзьями. Почему сразу не обратил внимания, что он не слишком обрадовался моей просьбе, задумался, ответил уклончиво? Почему не пришло мне в голову, что оказание услуги потребует расчета? Что такого рода просьбы не всегда нравятся даже родственникам, не то что приятелям, которых не видел много лет?

После северной вольности трудно было привыкать в обюрокраченном, опутанном интригами и ложно-интеллигентскими условностями учреждении. Рабочий день тянулся до изнеможения долго, не с кем было перемолвиться обычным человеческим словом.

Он моего состояния не замечал или делал вид, что не замечает. Он вообще от меня сразу же обособился. Опасался, что я в присутствии посторонних могу неосторожно затронуть нежелательные студенческие воспоминания? Опорочу авторитет руководителя?

Он делал карьеру, и у него получалось. Ему предрекали высокие должности. Он уже научился унижать людей — грубо обрывать в разговоре, кричать, краснея лицом.

Он завёл странную традицию — приглашать меня после работы в ближайшее кафе. Являлся ли я каким-то звеном в его тактических планах или он просто искал собеседника? Товарищеский тон был давно утерян, он говорил со мной покровительственно, я не скрывал, что недоволен этим. Но я был должен ему за то, что он устроил меня на работу. Долги нужно возвращать. Можно постепенно, частями. Например, в форме подобострастия. При этом старательность и пунктуальность в работе в зачёт не идут. Расчёт должен быть личным. Как подарок. Я не умею быть подобострастным, и ему это не нравилось.

Лишь однажды, прервав привычную тему о том, что «Динамо» совсем потухло, а «Зенит» ещё своё возьмёт, он вдруг растерянным голосом сообщил: «От меня вчера жена ушла. Вместе с дочерью». Следовало посочувствовать, но я понял, что это не нужно. Сочувствовать может равный.

Отношения у нас не складывались, он часто

просил денег взаймы, хотя имел значительно больший оклад, но у меня было тugo с деньгами, я отказывал, и в конце концов произошло то, что не могло не произойти.

Мой бывший друг, а ныне начальник любил совещания по подведению итогов. Недели, месяца, квартала, года. На одном из таких совещаний я был неожиданно раздавлен, уничтожен, убит. Эмоциональное выступление руководителя являлось местью за мою недогадливость по поводу возврата долга, кроме того, было акцией самоутверждения, в назидание тем, кто таит пополнование к излишней самостоятельности поведения.

Совещание закончилось. В полной растерянности я курил в конце коридора возле открытого окна, не ощущая крепости табака. Дым нехотя струился в солнечную теплынь, в зелень листьев.

Мой руководитель стремительно вышел из конференц-зала, где происходила экзекуция. На ходу, не поворачивая головы, коротко отвечал на вопросы привязавшегося как репей главного бухгалтера с какими-то бумагами. Подошел ко мне, предложил пойти в кафе.

Или он не любил ломать традиции, или побитая собака обязана лизнуть ногу, её бившую, — точно не знаю. Знаю одно: мне следовало дать ему в морду. Вытерпеть можно многое, но не всё. Я не дал ему в морду. В этом вижу свою слабость и малодушие.

На следующий день я отнёс заявление в отдел кадров и уволился.

Он продолжал пить, и пил всё больше. Пришло время, когда на работу у него не стало хватать времени. Его перевели рядовым инженером. Но он всё равно пил, и его выгнали. Он умер в больнице он цирроза печени. Или от уязвленного самолюбия.

Я к тому времени давно уже трудился в другом учреждении. С прежними коллегами не общался. Но обо мне вспомнили, позвонили, сообщили о случившемся, полагая другом умершего. Попросили забрать тело из больничного морга. Как выяснилось, близких родственников, знакомых и просто желающих это сделать не нашлось.

Я не счёл возможным отказаться.

Он лежал в гробу на обитом белым металлом, алюминием столе, с просветлевшим, задумчивым лицом. Разгладились морщины на лбу, складки возле губ. Он выглядел усталым человеком, которому наконец дали возможность передохнуть. Я не испытывал к нему ненависти, это чувство ушло, уступив место пронзительной жалости к человеку, который так и не сумел разобраться в жизни, определиться с верным путем, оказался в тупике и погиб.

Я не мог быть ему советчиком. И никто никому не советчик.

…Двое дюжих молодцов, даже не взглянув на меня, хотя следовало бы спросить согласия, накрыли гроб крышкой и понесли к автобусу.

3

Никто не запомнил в точности, когда медведь впервые появился возле контейнеров с мусором и пищевыми отходами. Контейнеры стояли поодаль от столовой, сразу же за ними начиналось обширное болото, поросшее осокой, низкорослыми деревьями и чахлым кустарником. Живности в окрестных лесах хватало, но медведь из-за лени, наверное, повадился на помойку нашего нефтепромысла. Небольшой размером, тёмно-коричневого цвета мишкa с неопрятно свалявшейся шерстью, висевшей на заднице грязными сосульками.

Забирался в контейнер, сосредоточенно в нём рылся. На задыхающихся в лае собак, на людей, целящихся в него фотоаппаратами, не обращал внимания. Был добродушен и миролюбив. Чувства опасности не вызывал.

Собаки постепенно утихли. Устали или надоело. И люди при виде медведя перестали хвататься за фотоаппараты. Тоже привыкли. Экзотика хороша свежестью впечатлений.

Человек более жесток, чем любой дикий зверь. Жестокость он называет предусмотрительностью.

По жилому поселку нефтепромысла уверенной походкой хозяина расхаживал человек в

камуфляжной форме «Служба безопасности». Чью именно безопасность этот человек охранял, сказать сложно. Вылавливал тех, кто курит в общежитии, встречал вахтовые автобусы, вытряхивая содержимое сумок прибывших на нефтепромысел.

Человека звали Борис Горобчук. Лысоватый, приземистый, с пристальными чёрными глазами. Он всё время улыбался. Ни у кого не встречал я столь радушной, располагающей улыбки. Сияли круглые щечки, лапки морщинок возле глаз, толстые губы блестели так, будто только что был съеден кусок розоватого, примороженного, пахнущего чесноком и перцем сала.

Этот человек навсегда отучил меня верить охотно улыбающимся людям.

Горобчука боялись, с ним искали дружбы. Я не искал с ним дружбы, но он сам зачем-то приходил ко мне в комнату, сидел, рассеянно листая книги, сложенные стопкой на тумбочке, качал головой, цыкал языком, то ли поражаясь моей учёности, то ли сокрушаясь собственной безграмотности. Иногда предлагал выпить, но я не люблю пить водку со случайными людьми.

Когда сидеть молча становилось невмоготу, мы разговаривали. Я рассказывал о работе на буровых в заполярной тундре. Он — о службе в Средней Азии. Он вышел в отставку капитаном. Его бывший сослуживец по фамилии Жадановский работал начальником службы безопасности нашего нефтедобывающего управления. В этом знакомстве и заключалось могущество Горобчука.

Оператором насосной станции был Вася Ширшов — тихий, старательный парень. Устойчивый нефтяной запах шёл от него даже когда он переодевался в цивильную одежду. Любую работу Вася выполнял безропотно, преданно глядя при этом голубоватыми, часто моргающими глазами. Заработанные деньги отсыпал родителям куда-то в Архангельскую область. У него был болен отец. Себе оставлял немного, экономил, в столовую не ходил, варила на электрической плите каши — всё больше овсянки и перловку.

И вот Вася получил телеграмму с известием о смерти отца. На похороны не поехал, потому что не было денег. Напился водки, заснул на полу операторной, обняв за шею лежащего рядом большого рыжего пса по кличке Барбос.

Горобчук разбудил Васю пинками, а когда тот по запарке бросился драться, умело избил его. Он знал, как следует бить, чтобы не оставалось следов.

Так же безжалостно убил он медведя.

Я услышал две короткие автоматные очереди. Сначала не обратил на них внимания. Я не служил в армии, и этот звук не режет мне ухо, но по возбуждённым голосам за окном определил, что в поселке что-то случилось.

Медведь лежал возле контейнера, привалившись к нему боком. Кто-то накрыл ему голову большим белым мешком из-под бентонитовой глины. Из таких мешков женщины, у которых руки на месте, шьют хозяйственные сумки. Собралось много людей. Они стояли полукругом над убитым и молчали, словно на похоронах. Все привыкли к медведю, даже полюбили его, было странно, что он теперь мёртвый. Поразительно тонка граница между жизнью и смертью.

Убийца же неторопливо удалялся по дороге, по-солдатски, прикладом вверх, закинув автомат за плечо.

Я догнал его.

— Ты мерзавец, — сказал я Горобчуку.

Не следовало так ему говорить, это было бессмысленно и опасно.

— Я человек военный, — с достоинством и некоторым металлом в голосе ответил Горобчук, — мне поступило распоряжение на отстрел.

Он всё же немного растерялся, потому что попытался по привычке улыбнуться, но лишь сощурился колючими черными глазами:

— За оскорбление ответишь.

Я не сомневался, что отвечу. И он выполнил угрозу. Полгода потом я не мог найти работу, пока не узнал телефон бывшего однокашника.

* * *

Не обращая внимания на милиционеров, я подошел к лежавшему на платформе метро мёртвому человеку. Долго стоял и смотрел на него. Смотрел до тех пор, пока сквозь белый, с черноватыми разводами мрамор стен не стали проступать очертания низкорослых деревьев, кустарника, скучной болотной растительности, свинцово-серого северного неба, контуры тех лет, когда я был другим, менее умудрённым в жизни, и, может быть, потому ещё не утратившим способности чувствовать свою боль как чужую и чужую как свою.

Юрий Александрович ПОКЛАД

родился в 1954 году. Окончил нефтяной факультет политехнического института.

Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения, на нефтяных промыслах.

Прозаик, публицист. Публиковался в журналах «Москва», «Юность», «Север», «Урал», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Дон», «Аврора» и других.

Автор книги очерков и трёх книг прозы.

Живёт в городе Мытищи Московской области.

